

Василий Иванович Немирович-Данченко

Кабардинские певцы

(Очерки жизни и войны в Дагестане. Часть #2)

Немирович-Данченко Василий Иванович — известный писатель, сын малоросса и армянки. Родился в 1848 г.; детство провел в походной обстановке в Дагестане и Грузии; учился в Александровском кадетском корпусе в Москве. В конце 1860-х и начале 1870-х годов жил на побережье Белого моря и Ледовитого океана, которое описал в ряде талантливых очерков, появившихся в «Отечественных Записках» и «Вестнике Европы» и вышедших затем отдельными изданиями («За Северным полярным кругом», «Беломоры и Соловки», «У океана», «Лапландия и лапландцы», «На просторе»). Из них особое внимание обратили на себя «Соловки», как заманчивое, крайне идеализированное изображение своеобразной религиозно-промышленной общины. Позже Немирович-Данченко, ведя жизнь туриста, издал целый ряд путевых очерков, посвященных как отдельным местностям России («Даль» — поездка по югу, «В гостях» — поездка по Кавказу, «Крестьянское царство» — описание своеобразного быта Валаама,

«Кама и Урал»), так и иностранным государствам («По Германии и Голландии», «Очерки Испании» и др.). Во всех этих очерках он является увлекательным рассказчиком, дающим блестящие описания природы и яркие характеристики нравов. Всего более способствовали известности Немировича-Данченко его хотя и не всегда точные, но колоритные корреспонденции, которые он посылал в «Новое Время» с театра войны

1877 — 78 годов (отд. изд. в переработанном виде, с восстановлением выброшенных военной цензурой мест, под заглавием «Год войны»). Очень читались также его часто смелообличительные корреспонденции из Маньчжурии в японскую войну 1904–1905 годов, печат. в «Русском Слове». Немирович-Данченко принимал личное участие в делах на Шипке и под Плевной, в зимнем переходе через Балканы и получил солдатский Георгиевский крест. Военные впечатления турецкой кампании дали Немировичу-Данченко материал для биографии Скобелева и для романов: «Гроза» (1880), «Плевна и Шипка» (1881), «Вперед» (1883). Эти романы, как и позднейшие романы и очерки: «Цари биржи» (1886), «Кулисы» (1886), «Монах» (1889), «Семья богатырей» (1890), «Под звон колоколов» (1896), «Волчья съть» (1897), «Братские могилы» (1907), «Бодрые, смелые, сильные. Из летописей освободительного движения» (1907), «Вечная память! Из летописей освободительного движения» (1907) и др. — отличаются интересной фабулой, блеском изложения, но пылкое воображение иногда приводит автора к рискованным эффектам и недостаточному правдоподобию. Гораздо выдержаннее в художественном отношении мелкие рассказы Немировича-Данченко из народного и военного быта, вышедшие отдельными сборниками: «Незаметные герои» (1889), «Святочные рассказы» (1890) и др.; они правдивы и задушевные. Его эффектные по фактуре стихотворения изданы отдельно в Санкт-Петербурге (1882 и 1902). Многие произведения Немировича-Данченко переведены на разные европейские языки. «Избранные стихотворения» Немировича-Данченко изданы московским комитетом грамотности (1895) для народного чтения. В 1911 г. товариществом «Просвещение» предпринято издание сочинений Немировича-Данченко (вышло 16 т.). Часть его сочинений дана в виде приложения к журналу

«Природы и Люди».

Василий Иванович многие годы путешествовал. В годы русско-турецкой, русско-японской и 1-й мировой войн работал военным корреспондентом. Награжден Георгиевским крестом за личное участие в боях под Плевной. Эмигрировал в 1921 году. Умер в Чехословакии.

**Василий Иванович
Немирович-Данченко
Кабардинские певцы**

Кабарда, действительно, выслала сюда лучших воинов.

Гордый и счастливый, с высокого камня, опираясь на плечо их князя Хатхуа, Шамиль — великий имам Чечни и Дагестана, горячими, вдохновенными глазами смотрел на сотни оборванцев и на другие сотни ярких щёголей. Одинаково, как те, так и другие, блестя оружием, проходили мимо него. Кабарда шла молча, — она кричала только в бою с врагом... Видя имама, дружины слегка наклоняли головы и подносили руки ко лбу. Строй здесь был тесен и сплочён. Казалось, что эти горцы выкованы из железа... Когда в середине их появились родные Хатхуа, Шамиль в восторге крикнул им:

— Чего желает Кабарда?..

— Победы и первого огня!.. — как один человек, отозвалась ему вся масса.

— Да будет! — торжественно обещал им Шамиль. — Благодарю братьев моих... Вратарая отверсты, и пророк ждёт верных...

И новые сотни шли за сотнями так же грозно, молчаливо и спокойно... Всадники сумрачно смотрели в лицо имаму, точно читая

в нём предсказание их участи. Сухие горские лошадёнки, несравненные силою, быстротою и выносливостью, бодро ступали по мягкой земле Самурской долины. Они нисколько не устали за весь этот громадный переход... Впереди каждого рода ехал вместе с его главою и певец-поэт, — слагатель песен, которые так любила Кабарда, что не расставалась с ними даже в битвах. Как только наступил вечер, и запылали громадные деревья в кострах, сложенных этими благороднейшими представителями черкесского племени, озаряя лица столпившихся вокруг воинов, — у каждого огня оказался свой баян... Тихие ритурнели трёхструнных горских балалаек точно разгорались и падали вместе с полымем. То грусть, то оживление одинаково озаряло лица и залитого в золото узденя, и жалкого оборванца-байгуша, с открытою грудью и босого... Большая часть этих «гекоко» [1] были безграмотны. Они не учились в горских медресе у мулл, — они подслушивали голоса природы: свист горного ветра, пение пташки в чаще дерева. В свои немудрёные скрипки они собирали и слёзы, и жалобы, и радость, и веселье на-

рода. Память их была верною хранительницею старых преданий. Герои, давно исчезнувшие из мира, — жили в ней со всеми своими подвигами и победами... Князья и уздени первые кланялись баяну. В бою гекоко шёл и песней ободрял сражавшихся. Простолюдины — они пользовались страшным влиянием. «Я умру, но душа моя будет жить в твоей песне!» — говорил Кан-Булат своему поэту. — «Песни гекоко низводят рай с небес на землю», — говорили другие. Знаменитый мулла Ибраим раз воскликнул: «Бессмертие дают только Бог и певцы: Бог — всемогуществом, они — Его волею»... Повелители кабардинских племён считали хорошего гекоко честью своей и славой. Впрочем, лучшие из этих князей и феодалов сами были импровизаторами. Закубанский богатырь Магомед-Алий славился как первый певец и поэт своего времени. Когда он играл на пшиннере, «лучи солнца сосредоточивались на его струнах и ласкали его руку». Ничья доблесть, никакой подвиг не умирали забвенными. Сотни певцов воспевали их в звучных стихах, воспитывая молодёжь в жажде героизма и самопожертвования.

ния. «Едва разносилась в горах весть о смерти богатыря, как точно из земли подымались богатую жатвою бесчисленные песни о нём. После они, эти песни, переходили из рода в род как святыня, их берегли, потому что в них жила душа почившего». Когда привозили в аул труп убитого в бою с неверными или оплакивали кончину прославившего себя некогда джигита, — со всех концов Адыге и Кабарды съезжались сюда певцы и поэты. Их принимали как драгоценнейших гостей наравне с влиятельнейшими князьями. Каждое утро певцы оставляли сакли и уходили в разные стороны леса, в ущелья, в хаос скал, чтобы в уединении и на свободе отдаваться творческому порыву и сложить каждый песню в честь героя. Вечером они собирались. В сакле зажигался костёр, и в его багровом зареве вдохновенные гекоко по очереди пели свои оды. Из каждой слушателями выбирались особенно поэтические строфы, — и таким образом слагалась одна общая песня... Её они уже разносили по всему народу. Её пели в бою, ободряя малодушных и окрыляя храбрых на такую же смелую кончину... В старину, ко-

гда черкесский народ был независим и могуч, — его повелители и князья видели в певце живую хронику. Гекоко были необходимы им, потому что письменности не существовало. Ими передавалась потомству только песня. Поэзия была жизнью, душою, живою летописью черкесов. Она управляла их умом и воображением. Дома, на джамаате, в бою — черкес не расставался с песней. Она как птичка вилась над его изголовьем от колыбели до могилы. Простой певец не значил ничего, но певец-импровизатор, певец-поэт — были часто знаменем для племени... Каждый дворянин должен был знать песни своего народа.

— Какой ты жених мне! — говорила знаменитая красавица Эмина молодому князю Тавриа.

— Разве рука моя слаба? Разве мало врагов убил я в бою? Разве кто сомневается в моей храбрости?

— Кто же из черкес не храбр, у кого из них рука слаба, кто не убивает гяуров в бою?!. Этого мало...

— Чего же надо ещё?

— Ты должен знать свой народ.

— Разве я его не знаю?

— Нет, не знаешь. Только тот знает свой народ, кто поёт его песни, кто плачет и радуется с ним... Только тот, кто в их звуках хранит память о предках, чьё сердце точит песню как горный камень, — воду освежающего потока...

И Эмина, отвергнув князя, вышла за простого гекоко, победившего соперников импровизацией на великом народном празднике.

Брызгалов стоял на стенах крепости, приглядываясь к этим кострам, — как вдруг около послышалось:

— Вашескобродие!.. Дозвольте отлучиться...

Он оглянулся. Хмурый и решительный перед ним стоял Немврод Самурского укрепления, Левченко.

— Куда? Зачем?..

— А к ним... Дознаться, что они себе думают...

— Узнают, — убьют тебя!..

— Меня узнают? — изумился Левченко. — Никаким порядком это невозможно.

Он с таким убеждением проговорил это, что Степан Фёдорович, действительно, понял, что ни убить, ни поймать Левченко — нельзя.

— Я по-ихнему балакаю... Сейчас допытаюсь... Опять же сколько их...

— Хорошо, только смотри, — береги себя!

— Меня Бог бережёт... А самому себя беречь не стоит, ваше высокоблагородие...

И Левченко повеселел. Старому охотнику было не по силам его бездействие в осаждённой крепости.

Он тихо вышел за ворота, перебрался на ту сторону. В секрете его чуть штыком не нащупали, потому что Немврод переоделся лезгинном.

— Не трожь, Афремов! Своего не узнал?..

— Да ты куда это, Левченко, собрался?

— Не твою ума дело. Ты лежи себе... Эй, Валетка.

Сторожевые собаки все его хорошо знали и только ласкались к нему, не лая... Валетка, гордая сделанным им выбором, последовала за ним шаг за шагом. Когда он припадал к земле, и она делала то же. Левченко хотел бы прочесть ей наставление, как вести себя в

этой экспедиции, но собака была столь рассудительна, что солдат решил: «Нечего по пустякам с ей разговоры разговаривать. Она сама всё хорошо понимает»... И действительно, встречая уже за рощами таких же ободранцев, как являлся Левченко, но настоящих лезгин или кабардинцев, она не лаяла, а только хоронила в кустах да к земле прилегала, чтобы её самое не заметили... Вот уже близко один из костров. Ярко распылался. Так ярко, что багровые языки пламени срываются оттуда и уносятся в высоту, целые снопы искр гаснут во мраке безлунной сегодня ночи... Как ясно видны горбоносые, суровые лица горцев кругом, их опущенные вниз брови... Полымя играет на них... «Не заметили бы!» — подумал про себя Левченко и тихо пополз в сторону к громадному каштану... Слава Богу, — легонько ветерок зашелестел в его чаще... Разбудил листву, перешептался с ней и к другим деревьям понёсся на лёгких крылах, точно передавая им Божье веление... Но этого времени было достаточно старому охотнику. Ещё и листва не успокоилась, а он уже крепко сидел в ней на толстом суке. Теперь его бы никто не

увидел. Никто бы не отличил в вершине дерева этих спокойных пристальных глаз, устремлённых в самое полыхающее костра. И хорошо попал Левченко, очень хорошо! Это именно и был тот костёр, за которым во главе своих сидел князь Хатхуа. «Ишь разбойник! — любовался им солдат. — Подлинно разбойная душа, а храбёр, что и говорить! Настоящий богатырь! Ему бы нашему царю-батюшке послужить... Хорошее бы дело было!.. До больших бы чинов достукался... А он, дурак, бунтует... Эх, глуп народ!..» Валетка внизу тоже улеглась, но её не интересовало несколько пламя костра и худые фанатические лица, на которых оно отражалось. Подняв морду вверх, она чуяла Левченко и следила за ним... Так она и лежала спокойная, неподвижная...

Вон сидящие у костра расступаются и кланяются кому-то.

— Кадаги [2], кадаги пришёл... — слышится кругом.

Старик с совершенно обуглившимся от солнца лицом и голою грудью важно садится на камень против огня, ставит на колени струнную пшаури...

«Петь сейчас будет!..» — соображает Левченко.

Старик тихо-тихо начинает монотонную и грустную прелюдию... Точно что-то вздыхает там у костра... Теснее сдвигаются кабардинцы. Хатхуа рядом со стариком смотрит в полмя, точно видит там в живых, сверкающих золотым блеском огня образах то, о чём сейчас запоёт гекоко... И песня не заставила себя ждать...

«Хорошо поёт!.. — одобрил и Левченко. — А всё наши, полтавские, лучше! Куда же ему бритолобому!..»

*«Девы гор — у бедной сакли —
Храбрых подвиги поют...
Над кипучею Лабою
Уздени арканы вьют...
А Темир-Казек блаженный
Ночью тёмной с облаков
Указует им далеко
Сёла дремлющих врагов...
И на лодках остроносых,
На хребтах своих коней
Рассекает ширь Кубани
Сотня смелых узденей.
По степи летят безбрежной*

*И на славу, и на бой, —
Оставляя след огнистый
Вдаль — падучею звездой.
Древний Дон пред ними плещет,
Волны пенные катит...
Чу! В тумане над волнами
Коршун взвился и кричит»...*

«Хорошо поёт, — одобрил его опять Левченко. — А всё у нас, в Полтавской губернии, лучше... Особенно, когда про то, как кукушка куковала... Куковала, да не знала, где детей пораспихала!.. Где им, гололобым, по-нашему!.. У нас куда жалостливее».

Песня кончилась. Кадаги опустил над струнами старую голову и задумался. Никто из окружающих не смел нарушить благоговеющего молчания славного певца... Все понимали, что во мгле его воспоминаний теперь возникают перед ним дивные образы. Из давно позабытых могил, из тьмы ущелий, из-под скал высоких гор встают доблестные тени предков и молят его: «Дай нам жизнь, воскреси нас песнею!..» Опять пробежал он по струнам, только теперь грозно заговорили они. Вспыхнули старые очи полымем, перед кото-

рыми точно поблек огонь расплавленного костра, и, глядя куда-то вдаль через этот костёр, через головы внимавших ему черкес, кагдаги опять запел песню о подвигах старых богатырей Кабарды.

Невероятные деяния воспевал он. Перед каждым слушавшим его, облечённые песнью, воскресали его предки. Героическое прошлое не сказкою, а живою былью — становилось лицом к лицу с их потомками.

Левченко дослушал его... «Добре поёт!» — решил он про себя и вдруг встрепенулся.

Послышался громкий голос Хатхуа.

Он благодарил старого певца.

— Голос твой приветствовал моё детство... От твоих песен мужество веяло в мою грудь, когда я был отроком. В первый бой я пошёл, повторяя твои стихи... Будь же ты благословен за это... И завтра, быть может, в последний бой мы пойдём с гимном, сложенным тобою о храбрых...

— Я буду с вами завтра... Мне пора умереть... Сквозь мою старую кожу душа давно просится на волю... Пусть пуля неверных открывает ей двери!..

— Сначала ты отпоёшь и обессмертишь нас...

— Нет, найдутся другие певцы помоложе... Их голоса будут звучать сильнее и слаще... Ты говоришь, — завтра назначен бой?

— Да... Завтра... Утром, только подыметесь солнце над Шахдагом, — лезгины двинутся справа, а мы — слева... Шамиль видел Зейн аль-Абидина, и святой именем пророка обещал ему победу... Чеченцы бросятся на гяуров с тылу... Аллах поможет, и каменное гнездо их к вечеру мы займём с бою... Они нас не ждут оттуда.

— Будьте чисты сердцем!.. Не давайте пощады никому! Ни старцу, ни молодому... Разве только тому, кого вы захотите продать в рабство. Пророку приятны стоны его врагов, пресмыкающихся от работы...

Левченко слышал довольноно.

Воспользовавшись шумом, поднявшимся у костра, он тихо сполз с дерева, ещё тише свистнул Валетку, хотя она и без того была около него, и побрёл назад. По дороге он приметил коня, хотел было подобраться к нему, да вовремя расслышал тихую-тихую и пе-

чальную песню... Должно быть, хозяин был около. Не успел Левченко сделать и сотни шагов, как издалека донеслись громкие крики. Точно стадо волков завыло там в глубине ущелья. Левченко припал к земле, — гул доносился по ней оттуда... Он всё рос и рос, — шумнее и шумнее становились крики. Приближалась масса людей с воплями и дикими восклицаниями...

— Эх, беда; этих только не было, так чёрт прислал!

И старый солдат отплюнулся. Он угадал — «андийцы», дикие племена, неслись на газават, на общую битву с неверными с самых недоступных Андийских высот к Шамилю. Они катились оттуда как лавина, — увеличивая собою число наших врагов. Андийцы не умели подходить тихо. Привыкшие к горным бурям, они у них заимствовали их грозные звуки... Вместе с ними, в долины, казалось, спускались чреватые громами и молниями тучи. Всё всполошилось им навстречу. Даже отважная Кабарда поняла, что Аллах посылает ей драгоценных товарищей. С бешенством и яростью андийцев ничто не могло срав-

ниться в горах. Они стремились вперёд без разума и без оглядки, как несётся смерч, циклон, всё разрушая перед собою и оставляя пустыню позади.

Шамиль рассчитал верно.

Разыгранная им комедия дала ему драгоценных союзников. С Кабардой и андийцами силы его почти удвоились, и уверенность в победе окрылила самых нерешительных. Не надо быть пророком, чтобы предсказывать гром, увидев молнию... Не надо быть великому имаму Чечни и Дагестана его обычной проницательности, чтобы понять, что Аллах предаёт ему врагов в руки...

«Завтра я отплачу вам за недавнее поражение!» — думал он про себя, глядя в ту сторону, где в ночном мраке должна была находиться русская крепость...

Примечания

Геккоко — поэт.

[^^^]

2

Тоже, что и гекоко — певец и импровизатор.

[^^^]